

Екатерина СЕРДЮК

ИДИЛЛИЯ

Все говорят, что мы — не пара,
что слишком много разных «но»,
что мы похожи, как гитара
и первосортное бревно, —
но я-то знаю: все неправы.
готова клясться на крови,
что все твои ко мне предьявы —
лишь проявления любви:
«сегодня в супе мало соли,
в печенье много имбиря»...

бегу отмачивать мозоли
в твоей джакузи.
втихаря.
ну что ты, нет, какая шуба —
ведь куртке только десять лет...
я на работу, ты из клуба —

ну, здравствуй! завтрак на столе.
изобрази теперь усталость,
брось томный взгляд на свой портрет.

я о тебе всю жизнь мечтала —
поставить в угол и смотреть,
сдувать пылинки, раз в неделю
водой горячей обдавать,
и не давать заняться делом,
и даже вовсе — не давать!..

уже четвёртый день мы вместе,
а значит — точно навсегда.
всё по порядку: я невеста,
жена, вдова...
«согласна?..» — «да!»

и, без препятствий, как по рельсам —
в довольно скучный хэппи-энд:
ты едешь за костюмом в strellson,
а я — за платьем в second hand.

совет, любовь.
и в счастье зыбком —
мой, пробирающий до слёз,
извечный запах эпоксидки;
твой неизменный hugo boss.

ТАК БЫВАЕТ, КОГДА

Потёртые кеды, потёртый клёш.
в запущенной стадии крышемания.
такое помятое состояние,
когда ты уже никого не ждёшь.
вторая неделя коту под хвост —
брожу переулками незнакомыми.

какого же вновь не сидится дома мне —
довольно резонный назрел вопрос.

раскинуты руки, темно в глазах —
наверное, снова скачок давления.
и мне оказать бы сопротивление,
но что-то не давятся тормоза.

с улыбкой по встречной, и шире шаг!
и листья пускай на ветру куражатся!..
глаза закрываю — мне снова кажется,
что это совсем не моя душа.

растерянный вздох — и привет, асфальт.
и в целом, спокойствие не нарушено.
такое привычное равнодушие —
когда никому ничего не жаль.

И ТАК БЫВАЕТ

Большое утро.
звонишь кому-то,
считая трупки сигарет.
смеяться глупо — вот-вот наступит
тебе на горло твой штатный бред,
наступит крепко — ни до розетки,
ни до верёвки не доползти,
два пальца в рот не помогут рвоте —
у этой осени новый стиль.

и остаётся — плевать в солнце,
подальше в небо забросить ключ,
давиться ядом, бросая взгляды
на морду в узком разрезе туч;
бродить по городу вслед за скорой,
ходить в театры, сходить с ума, —
раздавит осень анабиозом, —
гораздо проще, когда зима.

и ловишь чувство — вот-вот отпустит,
сейчас всё станет как раньше, ну!..
но все по новой — тебе хреново,
и кто ответил бы почему.

такое дело — заело плеер
на треке «твой перманентный бред».
и так бывает — заснёшь в трамвае,
а просыпаешься в декабре.

БОСОЙ И ПЬЯНОЙ

Босой и пьяной выйти в этот город
и вычерпать все улицы до дна.
так искренне поверить в то, что скоро
я буду просыпаться не одна,
что вдруг сойти с ума.
упасть на камни,
и небу не показывать лица,
и снова бить с размаха кулаками
по стёклам — до победного конца,
и, оставляя на бетонных стенах
безумный яркий цвет — forever young,
не чувствовать, как, не вмещаясь в вены,
бежит душа из незащитных ран...
...прийти домой и, приготовив ужин,
давиться им в крошечной темноте.
а рядом вновь не будет тех, кто нужен,
и в гости вновь попросятся не те.
под стук дождя струящейся картэчи
лежать и ждать, пока придёт зима
и осознать, что время вряд ли лечит —
а это значит, вновь сойти с ума.
мой мир как будто ножницами вспорот,
в разрез глядит застенчиво луна...
...босой и пьяной выйду в этот город
и вычерпаю улицы до дна.

ПОСЛУШАЙ

Послушай, есть много красивых стервочек и сотни талантливых милых сук, готовых играть с тобой в нежных девочек, в быту заменять тебе штат прислуг. есть, кроме меня, заводные, классные, такая не взглянет — запьешь с тоски... зачем ты меня приручаешь ласками и сонно целуешь с утра в виски?

послушай,

есть тысячи умных, вдумчивых, не бьющих по стенам, не пьющих дрянь, готовых кормить тебя, а при случае варить тебе кофе в любую рань. поверь мне — их много, и есть примерные: спокойные, тихие — грош цена. а я не такая. я слишком нервная, к тому же неверная ни хрена.

послушай,

вокруг настоящих, искренних, практичных и правильных — пруд пруди. и пусть не умеют взрываться искрами, от них тоже может щемить в груди, и с ними всегда — беспричинно радостно, и с ними не холодно в ноябре, — а я не такая, мой милый августин, и чёрт тебя дёрнул меня пригреть.

ВСЁ, ОТДЫХАЙ

Стаи твоих заводных кораблей лавируют между льдин, словно пытаются взять на таран незыблемость всех основ. долго ли, коротко ли, но теперь — конечный итог один. все корабли затихают на дне, все реки имеют дно.

плавится вечер, стекает по стеклам, путаясь сам в себе. радует нас откровенностью дыбы с нежностью палача. и не случайно ты сам выводил мне формулу наших бед — все чудеса происходят не здесь, не с нами и не сейчас.

все, отдыхай, [не]хороший, [не]мой, от вечных моих причуд. твой неукушенный локоть уже вот-вот облизнёт свеча. я прижимаюсь к дивану — щекой к мужскому его плечу. в кружке с отколотой ручкой так сладко дремлет остывший чай.

ПО КРУГУ

Ползёт по стене рассвет.

в стаканах утихли бури,

и всё хорошо вполне.

я молча готовлю завтрак, ты бесконечно куришь

и смотришь в окно.

а мне

спокойствие — в горле ком — не выплюнешь, не проглотишь,

мне быть бы почти всегда на старте, на взводе, взлёте,

быть для тебя чем-то большим,

чем выплывшим прошлым.

звонить бы тебе тайком из той телефонной будки,

где все твои мысли — вслух.

стоять за твоей спиной и красть у тебя минутки —

как раз не хватает двух.

простить бы тебе твои хождения влево-вправо

и верить тебе, когда ты врёшь мне о самом главном,

сам же краснеешь от правды —

и кажешься рядом.

тебя рисовать всю ночь на стенах, гордиться этим,

к утру возвращаясь в дом.

играть бы тебе себя безумием кварт и септим,

в конце возвращаясь в «до».

и слать бы тебе себя в нелепых таких конвертах,

смотреть на тебя с чужих рисунков, картин, мольбертов,

от взглядов в упор хорошея,

дышать тебе в шею.

носить бы тебе себя в постель по утрам, как кофе,

и там забывать на день.

смотреть бы всю ночь на твой родной ироничный профиль

и робко просить — «одень».

и снить бы тебе себя в таких нереальных платьях,

и чёртовы мысли, которые так несказанно кстати

противоречат друг другу —

гонять бы по кругу.